

Чэнь Илинью никогда не задумывался об отношениях.

Сколько он себя помнил, единственным примером совместной жизни перед его глазами были Чэнь Шунь и Линь Сяоли. В представлении парня любовь и брак не означали ничего, кроме бесконечной грызни, предательств и бытового насилия. Боль и разочарование шли с ними рука об руку. Стоило человеку связать себя узами брака, как на его нормальной жизни можно было смело ставить крест.

Влюбленность же казалась лишь подготовкой к этому кошмару — глупой иллюзией, когда радуешься, что понял пару абзацев из учебника, но на самом экзамене обнаруживаешь, что тебе подсунули сложнейшую задачу по геометрии, которую невозможно решить.

Всю эту романтическую чушь про бабочек в животе Чэнь Илинью считал откровенным бредом. Куда приятнее и надежнее было подработать и получить лишнюю сотню юаней.

... И как при таком раскладе он мог влюбиться в «Чэнь Илинью»?

Мало того что к нему нельзя было по-человечески прикоснуться, так он еще и парень. Но самое главное — у этого парня было точно такое же лицо. Каким бы голодным до ласки ни был Чэнь Илинью, зариться на собственную физиономию казалось верхом абсурда.

Это просто не укладывалось в голове.

Чэнь Илинью до дыр затер в уме несчастную коническую кривую из задачи по математике, но так и не нашел логического ответа. В конце концов он списал всё на тот дурацкий, будоражащий фильм, который они смотрели в компьютерном клубе.

«Чэнь Илинью» неподвижно лежал на кровати. Осторожно повернув голову, парень покосился на него: двойник спал беспокойно, уткнувшись лицом в одеяло и хмуря брови.

Поколебавшись, Чэнь Илинью поднялся, подошел к кровати и присел на корточки, пристально разглядывая спящего.

Живой, объемный человек всегда отличается от плоского отражения в зеркале. На «Чэнь Илинью» их общее лицо почему-то смотрелось благороднее и красивее. Сам Чэнь Илинью улыбался редко, говорил неохотно, вечно хмурился, да и тяжелый, колючий характер мало у кого вызывал симпатию. С его двойником всё было иначе. На губах этого парня почти всегда играла мягкая улыбка, взгляд светился открытостью, а манеры казались на удивление легкими. Он без труда находил общий язык с кем угодно. Неудивительно, что его обожали родители, да и поклонников у него хватало.

При этой мысли Чэнь Илинью уколола глухая ревность. У этого парня было абсолютно всё, но он умудрялся жаловаться на несчастную жизнь, да еще и баловался опасными талисманами,

чтобы то и дело донимать его. И ладно бы просто донимал, так ведь спит сейчас под самым его носом без задних ног. Неужели так уверен, что Чэнь Илинью не причинит ему вреда?

«Наивный отличник», — мысленно усмехнулся Чэнь Илинью. Взгляд его похолодел. Как он вообще мог влюбиться в человека, который получил от жизни в сто крат больше, чем он сам?

Чэнь Илинью протянул руку и слегка сжал его шею, едва прикрытую воротником.

Ему безумно хотелось уничтожить этого баловня судьбы, чтобы занять его место и получить всё, о чем он сам не смел даже мечтать.

«Чэнь Илинью» нахмурился сильнее. Дыхание его перехватило, ресницы затрепетали. Чэнь Илинью медленно усилил хватку, но в то же мгновение, как двойник распахнул глаза, резко отдернул руку.

— Ты чего меня душишь? — хрипло спросил «Чэнь Илинью». Он еще не до конца проснулся, поэтому лишь вяло потер занывшую шею и уставился на сидевшего рядом парня затуманенным взглядом.

— Да вот, подумал, не придушить ли тебя, — хладнокровно отозвался Чэнь Илинью. — Но ты пока не до конца материализовался, так что я засомневался, сработает ли. Вот и передумал.

— А ты попробуй. Вдруг получится? — «Чэнь Илинью» зекнул, подтянул подушку ближе к краю, поймал его ладонь и сам прижал ее к своему горлу, после чего послушно закрыл глаза.

Пальцы Чэнь Илия невольно напряглись. Он опустил взгляд на чужую шею, чувствуя под подушечкой большого пальца теплое, мерно вздрагивающее яблоко кадыка. При каждом вдохе кожа под его ладонью слегка нагревалась.

Наконец Чэнь Илинью убрал руку.

— Ладно, проехали. Всё-таки ты мне жизнь спас.

«Чэнь Илинью», не открывая глаз, тихо рассмеялся:

— Брось, мы же не чужие люди. Если захочешь — попробуй еще раз. Почувствую, что подыхаю, просто нарисую талисман и уйду.

— А если я свяжу тебе руки? — прищурился Чэнь Илинью.

«Чэнь Илинью» приоткрыл один глаз и с сомнением протянул:

— Ну... буду рисовать ногами?

Чэнь Илин timer промолчал.

Они переглянулись и одновременно прыснули. Но когда смех утих, Чэнь Илин timer внезапно почувствовал себя неловко. Он попытался подняться, но двойник бесцеремонно схватил его за шевелюру.

— Если тебе паршиво, просто расскажи мне, — сонно пробормотал «Чэнь Илин timer», взъерошив его волосы. — Я ведь тебе не чужой.

Чэнь Илин timer уселся прямо на пол, поджал ноги и уперся подбородком в край матраса. Не мигая, он уставился на двойника.

— Слушай, ты не мог бы больше меня не целовать?

«Чэнь Илин timer» завис на несколько секунд:

— Тебе не нравится?

— Угу, — Чэнь Илин timer принялся машинально крутить в пальцах край простыни. — Раздражает. Да и становиться геем я как-то не планировал.

«Чэнь Илин timer» страдальчески прикрыл глаза:

— Ладно, ладно. Буду держать себя в руках.

— И как именно ты собираешься держать себя в руках? — не отставал Чэнь Илин timer.

— Ну кто так разговаривает? — простонал его собеседник.

— А я вот так разговариваю, — отрезал Чэнь Илин timer. — Никаких «постараюсь». Давай, клянись. Поклянись, что больше никогда меня не поцелуешь. А если нарушишь клятву — пусть тебя расшибет громом и ты вовек не займешь первое место на экзаменах.

— Хорошо, — «Чэнь Илин timer» театрально поднял руку. — Клянусь: если я еще раз тебя поцелую, пусть меня расшибет громом и я никогда в жизни не сдам экзамены на отлично.

Чэнь Илин timer подозрительно прищурился:

— Что это ты так быстро согласился?

— А-а-а! — взвыл «Чэнь Илин» и с головой зарылся в одеяло. — Чудовище, умоляю, отстань! Я безумно хочу спать!

— Раз хочешь — спи, — Чэнь Илин бесцеремонно стянул край одеяла, обнажив его макушку.
— Но сначала ответь: ты не хочешь обсудить тот фильм, который мы вчера смотрели?

— Нет. — Двойник уже спал на ходу. Он вяло шевельнул пальцами, пытаясь начертить в воздухе Заклинание перемещения, но Чэнь Илин тут же перехватил его за запястье.

Повозившись еще немного, Чэнь Илин стянул с себя неизменную толстовку, залез на кровать и скользнул под одеяло. Полежав пару секунд на жестком матрасе, он резко сел, натянул пижамную куртку, а снятую толстовку аккуратно положил между ними, соорудив своеобразную границу.

Они лежали под одним одеялом, но сквозь образовавшуюся щель нещадно сквозило. Чэнь Илин потянул ткань на себя, плотно укутав шею и плечи, и наконец удовлетворенно вздохнул.

При этом «Чэнь Илин» оказался наполовину раскрыт, его рука уперлась в грубый флис толстовки. Не выдержав такого издевательства, он окончательно проснулся.

— И что именно ты хотел обсудить? — обреченно спросил он.

— Те двое... они ведь были геями? — спросил Чэнь Илин. — Иначе как объяснить, что один пожертвовал жизнью ради другого, а тот потом застрелился?

— Допустим, — «Чэнь Илин» сгреб толстовку и раздраженно швырнул ее на стул. — И запомни: не тащи уличную одежду в постель. Это негигиенично.

— Слышь, ты сейчас один в один как моя жена бухтишь. Следи за языком, — буркнул Чэнь Илин.

—... Я твой предок, придурок, — «Чэнь Илин» глубоко вздохнул и натянул одеяло обратно.

Чэнь Илин вдруг просунул руку под одеяло, поймал его за запястье и бесцеремонно прижал к своей талии.

Двойник вздрогнул как от удара током:

— Ты чего творишь?!

— От этого у тебя встает? — с самым серьезным видом поинтересовался Чэнь Илинъ.

На лбу «Чэнь Илинъ» отчетливо проступила вена:

—... Ни капли.

— Seriously? — Чэнь Илинъ недоверчиво сощурился и потянулся рукой к его пижамным штанам.

«Чэнь Илинъ» отпрыгнул к самому краю кровати, едва не кувыркнувшись на пол, и мертвой хваткой вцепился в его пальцы:

— Ты совсем с ума сошел?!

— Да я просто проверить хотел, — Чэнь Илинъ ловко извернулся и всё-таки успел ощупать его сквозь ткань. — Хм.

Лицо двойника под его невозмутимым взглядом мгновенно залила густая краска. С силой отпихнув чужую руку, «Чэнь Илинъ» принялся лихорадочно затягивать шнурок на штанах, завязав его тройным мертвым узлом. От возмущения он не мог вымолвить ни слова.

Чэнь Илинъ наконец расслабился. Сложно было понять, чего в его вздохе было больше — облегчения или легкого разочарования.

— Ну ладно, вижу, что ты действительно не гей. Спи давай.

С этими словами он великодушно поделился одеялом, привычным движением сгреб несчастного двойника в охапку и мгновенно уснул с чувством выполненного долга.

«Чэнь Илинъ» остался лежать в полной прострации. Спустя минуту его губы беззвучно шевельнулись:

«Блять».

Убедившись, что «Чэнь Илинъ» не гей, Чэнь Илинъ почувствовал, как с души свалился огромный камень. Отношения между ними вернулись в прежнее русло, и на следующий день за обедом парень с аппетитом умял лишнюю порцию риса.

Вдобавок ко всему ему выплатили месячное жалованье. Ли Цзяньминь расщедрился и накинул

сверху еще по шестьсот юаней компенсации за вынужденный простой. Сун Чжисюэ настоял, чтобы Чэнь Илин и Гао Болэ без лишних разговоров забрали деньги — мол, иначе Лао Ли спать спокойно не сможет. В итоге на руках у парня оказалась приличная сумма — целых две тысячи юаней.

Он едва сдерживал радость. Вернувшись к заброшенной подстанции, он быстро прикинул в уме: если добавить эти деньги к одиннадцати тысячам на банковской карте и отложить еще полторы тысячи, выйдет ровно двенадцать с половиной тысяч юаней. На такую сумму он вполне мог позволить себе купить новые кроссовки. Было бы здорово взять с собой «Чэнь Илин» — у того был отменный вкус на вещи.

Напевая под нос веселый мотивчик, Чэнь Илин ловко перемахнул через оконную раму и спрыгнул на бетонный пол.

В ту же секунду улыбка застыла на его лице.

Повсюду виднелись грязные следы чужих ботинок. Старый железный ящик, плотно прижатый к стене, был варварски раскурочен и помят, а изнутри вывалены ржавые инструменты. Но самое страшное — кирпичная кладка в углу, где он прятал карту, оказалась грубо выбита.

Чэнь Илин оцепенел. Простояв неподвижно секунд десять, он опустился на колени и дрожащими пальцами залез в тайник.

Пусто. Карты не было.

Остатки здравого смысла с грохотом разлетелись в щепки. Лицо парня потемнело от ярости. Он медленно оглядел разгромленный угол, перевел взгляд на пол и заметил тяжелый, покрытый рыжим налетом гаечный ключ длиной почти в локоть. Схватив его, Чэнь Илин рванул прочь из здания.

Дверь его бывшей квартиры была заперта. Чэнь Илин попытался вставить ключ, но замок заело, и он едва не сломал связку. Плюнув на осторожность, он со всей силы принялся колотить в дверь тяжелым кулаком.

Раздался скрежет замка. Дверь приоткрылась, и перед ним предстало незнакомое женское лицо. Женщина, плотно укутанная в дорогую норковую шубу, недовольно окинула его взглядом с ног до головы.

— Господи, да кто там так ломится? — Фан Юйцин брезгливо поморщилась. — Мальчик, тебе кого?

— Чэнь Шунь здесь живет? — глухо спросил Чэнь Илин.

— Ну живет, это его квартира, — Фан Юйцинь кокетливым жестом заправила прядь волос за ухо, блеснув массивной золотой сережкой. — Он спит сейчас. Тебе чего надо-то от него?

Чэнь Илинь замер, не сводя взгляда с ее уха. В следующий миг он бесцеремонно оттолкнул женщину плечом и шагнул в прихожую.

Прямо на полу стояли огромные пакеты с женскими вещами. Чуть дальше, в картонной коробке, валялся всякий хлам: семейные фотографии, старая шкатулка Линь Сяоли, ее любимые безделушки и детские альбомы Чэнь Илиня, которые мать бережно собирала годами. Всё, что когда-то создавало уют в этом доме, было безжалостно выброшено как ненужный мусор.

Фан Юйцинь, наконец сообразив, кто перед ней, деланно запричитала:

— Ой, так ты Сяо Линь? Твой папа рассказывал про тебя. Ты только не подумай ничего такого, тётушка Фан просто порядок наводила. Эти старые пыльные вещи только место занимают, вот я их и приспособила, чтобы твой отец вечером на помойку вынес. Ты ведь у нас мальчик взрослый, умный, мешать не станешь?

Чэнь Илинь даже не посмотрел на нее. Смерив женщину ледяным взглядом, он с силой пнул дверь спальни.

Фан Юйцинь испуганно взвизгнула и вжалась в стену. Чэнь Илинь проигнорировал ее визг. В комнате на кровати, раскинувшись на всю ширину и оглушительно храпя, спал пьяный в стельку Чэнь Шунь.

Парень поудобнее перехватил ржавый гаечный ключ, замахнулся и со всей силы обрушил его прямо на висок отца.

— А-а-а! — истошно завопила Фан Юйцинь, бросаясь вперед и толкая его под локоть.

Удар сместился. Ключ пролетел в паре миллиметров от головы Чэнь Шуня и с треском разнес деревянное изголовье кровати. Мелкие щепки брызнули во все стороны.

Чэнь Шунь мгновенно протрезвел. Схватившись за ободранный лоб, по которому уже струилась кровь, он уставился на сына дикими, полными ужаса глазами.

Чэнь Илинь впервые видел этот животный страх на лице отца. И этот страх подействовал на него как искра, брошенная в сухой порошок. Вся ярость, обида и ненависть, копившиеся годами, вспыхнули с новой силой. Он рванул гаечный ключ на себя, готовясь нанести второй удар — прямо в макушку Чэнь Шуня.

— Лао Чэнь! — истошно орала Фан Юйцинь.

Чэнь Шунь, задыхаясь от ужаса, скатился с кровати. Алкоголь всё еще туманил его разум, а грузное тело весом под сто килограммов казалось неподъемным мешком. Чэнь Илинь схватил деревянный стул и наотмашь опустил его на спину мужчины. Раздался глухой удар и хруст. Чэнь Шунь взвыл от боли.

Пальцы Чэнь Илия, сжимавшие ключ, мелко дрожали от бешеного прилива адреналина. Он занес оружие для смертельного удара, целясь точно в уязвимую точку на темени.

И в этот самый миг его взгляд упал на оконное стекло.

В отражении он отчетливо увидел Скверну — черную, клубящуюся массу, которая плотным коконом обвивала его собственное тело.

Зрачки парня резко сузились. Разум пронзила ледяная вспышка осознания.

С трудом подавив дикий порыв ярости, он в последнее мгновение скорректировал траекторию удара. Тяжелый ключ со свистом пронесся мимо Чэнь Шуня и врезался в экран телевизора. Раздался оглушительный хлопок, и стекло брызнуло во все стороны.

— Ты совсем страх потерял, ублюдок?! — прохрипел Чэнь Шунь, пытаясь подняться на ноги.

Чэнь Илинь, не говоря ни слова, схватил еще один стул и с размаху обрушил его на спину мужчины, после чего выхватил из подставки на столе кухонный нож и прижал холодное лезвие к его заплывшему жиром горлу.

— Где моя банковская карта? Это ты ее забрал? — его голос вибрировал от едва сдерживаемого бешенства.

Лезвие слегка вошло в кожу, оставив тонкую алую нить. Чэнь Шунь замер, не смея пошевелиться. От него разлило перегаром и потом.

— Какая еще карта?! — заверещал он.

— Карта моей матери! — рявкнул Чэнь Илинь, сильнее надавив на рукоять.

Фан Юйцин на заднем плане забилась в истерику, выкрикивая что-то про полицию.

— Не брал я ее! — просипел Чэнь Шунь, трясаясь всем телом. — Клянусь, не видел я твоей карты! Я за тебя еще долг У Ши отдал, две тысячи юаней! Тварь неблагодарная!

Чэнь Илинь резко развернулся и с силой ударил его локтем в челюсть.

Оглушительный крик Чэнь Шуня оборвался. Он мешком повалился на пол и затих. Чэнь Илинь лихорадочно обыскал его карманы, но не нашел ничего, кроме мелочи и пачки сигарет.

Тогда он принялся крушить комнату, переворачивая ящики, срывая шторы и потроша шкафы. Фан Юйцин, прижимаясь к стене, с ужасом наблюдала за этим безумием. Парня было не остановить — он перерыл весь дом сверху донизу, но карты действительно нигде не было.

— Ты сумасшедший... Ты же его убил! Убийца! — визжала женщина, пытаясь к выходу.

Чэнь Илинь в два шага настиг ее, мертвой хваткой вцепился в предплечье и рванул на себя.

— А-а-а! Отпусти! Что тебе нужно?! — забила она в его руках.

— Снимай серьги, — ледяным тоном приказал парень.

Фан Юйцин открыла было рот, чтобы снова закричать, но Чэнь Илинь с силой вонзил кухонный нож в деревянную столешницу прямо перед ее носом. Женщина мгновенно замолкла и, мелко дрожа, принялась расстегивать замки на золотых украшениях. Сняв серьги, она трясущимися руками бросила их на пол.

Чэнь Илинь хладнокровно наклонился, подобрал золото и спрятал в карман.

— Эти серьги принадлежали моей матери. И тебе не противно их носить.

— Ты врешь! Это мне Лао Чэнь купил! Из чистого золота! — всхлипнула Фан Юйцин, но уже тише, не смея повышать голос.

— Рад за тебя, — Чэнь Илинь криво усмехнулся.

Он аккуратно поднял с пола коробку со своими детскими альбомами и фотографиями Линь Сяоли, прижал ее к груди и, не оборачиваясь, вышел из квартиры.